

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дело № 203-АПУ19-14

АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

г. Москва

24 сентября 2019 г.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации в составе
председательствующего Воронова А.В.,
судей Дербилова О.А., Сокерина С.Г.
при секретаре Лупянниковой Л.В.

с участием прокурора Мацкевича Ю.И., осуждённых Гимазетдинова А.А., Мухаметова И.Н., Ханнанова Р.Р., Загиева А.И., Шангареева Э.Ф. путём использования систем видеоконференц-связи, их защитников – адвокатов Шакировой И.И., Токуновой Г.А., Абакумовой Л.В., Скарабевского К.А., Бобрышевой В.В. рассмотрела в открытом судебном заседании уголовное дело по апелляционному представлению государственного обвинителя Сергеевой М.М., а также по апелляционным жалобам осуждённых Гимазетдинова А.А., Мухаметова И.Н., Ханнанова Р.Р., Загиева А.И., Шангареева Э.Ф., их защитников – адвокатов Дмитриева С.А., Нуриевой Т.А., Надыровой Е.В., Гудкова Д.Ю., Ксандинова К.С. на приговор Приволжского окружного военного суда от 26 апреля 2019 г. в отношении граждан Российской Федерации

Гимазетдинова Анаса Ахсановича, [redacted] [redacted]
[redacted] несудимого,

Мухаметова Ирека Насимовича, [redacted] [redacted]
[redacted] несудимого,

Ханнанова Рината Ришатовича, [redacted] [redacted] [redacted]
[redacted] несудимого,

Загиева Азата Ильгизовича, [REDACTED]
[REDACTED] несудимого,

Шангареева Эмиля Фанилевича, [REDACTED] [REDACTED]
[REDACTED] осуждённого
18 октября 2013 года Альметьевским городским судом
Республики Татарстан по ч. 2 ст. 228 УК Российской
Федерации к лишению свободы на срок 3 года условно с
испытательным сроком 3 года,

осуждённых к лишению свободы за совершение преступлений,
предусмотренных:

- ч. 1 ст. 205⁵ УК РФ (в редакции Федерального закона от 5 мая 2014 г.
№ 130-ФЗ) – Гимазетдинов на срок 18 лет в исправительной колонии строгого
режима, с ограничением свободы сроком на 1 год, с установлением указанных
в приговоре ограничений и возложением обязанностей; Мухаметов – на срок
16 лет, с ограничением свободы на срок 1 год;

- ч. 2 ст. 205⁵ УК РФ (в редакции Федерального закона от 6 июля 2016 г.
№ 375-ФЗ) – Ханнанов на срок 13 лет в исправительной колонии строгого
режима; Загиев и Шангареев – каждый на срок 11 лет;

- ч. 1 ст. 205¹ УК РФ (в редакции Федерального закона от 5 мая 2014 г.
№ 130-ФЗ) – Мухаметов на срок 6 лет, Загиев на срок 5 лет;

В соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ окончательное наказание
Мухаметову и Загиеву по совокупности преступлений назначено путём
частичного сложения назначенных наказаний в виде лишения свободы на
срок: Мухаметову – 18 лет в исправительной колонии строгого режима, с
ограничением свободы сроком на 1 год, с установлением указанных в
приговоре ограничений и возложением обязанностей, Загиеву – 13 лет в
исправительной колонии строгого режима.

На основании ч. 5 ст. 74 УК РФ условное осуждение, назначенное
Шангарееву по приговору Альметьевского городского суда Республики
Татарстан от 18 октября 2013 г., отменено.

В соответствии с ч. 1 ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров
окончательное наказание назначено Шангарееву путём частичного
присоединения к наказанию, назначенному по приговору по настоящему
уголовному делу, неотбытого наказания по приговору Альметьевского
городского суда Республики Татарстан от 18 октября 2013 г. в виде лишения
свободы на срок 13 лет в исправительной колонии строгого режима.

В приговоре разрешены вопросы о мере пресечения, вещественных
доказательствах и процессуальных издержках.

Заслушав доклад судьи Сокерина С.Г., выступления осуждённых
Гимазетдинова А.А., Мухаметова И.Н., Ханнанова Р.Р., Загиева А.И.,
Шангареева Э.Ф., их защитников – адвокатов Шакировой И.И., Токуновой Г.А.,
Абакумовой Л.В., Скарабевского К.А., Бобрышевой В.В., поддержавших

апелляционные жалобы и не возражавших против удовлетворения апелляционного представления в части предложения о смягчении наказания Гимазетдинову А.А., и прокурора Мацкевича Ю.И., настаивавшего на удовлетворении апелляционного представления и возражавшего против удовлетворения апелляционных жалоб, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации

установила:

Гимазетдинов и Мухаметов признаны виновными и осуждены за организацию деятельности организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (далее МТО «ХТ»), которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, в период, соответственно, с 14 ноября 2013 г. и с апреля 2016 года на территории г. Альметьевска Республики Татарстан; Загиев и Шангареев – с апреля 2016 года, Хананнов – с октября 2016 года участвовали в деятельности данной организации, а Мухаметов и Загиев, кроме того, финансировали терроризм.

Преступные действия осуждённых продолжались при обстоятельствах, изложенных в приговоре, до задержания каждого из них 17 октября 2017 г.

В апелляционном представлении государственный обвинитель Сергеева М.М. полагает необходимым приговор изменить, дополнив его указанием на то, что определённое Гимазетдинову и Мухаметову ограничение на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования будет действовать в пределах того образования, где осуждённые будут проживать после освобождения из исправительных учреждений.

В апелляционном представлении также поставлен вопрос о признании в соответствии с п. «г» ч. 1 и ч. 2 ст. 61 УК РФ обстоятельствами, смягчающими наказание, наличие на иждивении у Гимазетдинова двух детей, 2004 и 2009 годов рождения, со смягчением назначенного ему наказания до 17 лет 11 месяцев лишения свободы.

В апелляционных жалобах и дополнениях к ним защитники – адвокаты Дмитриев С.А., Нуриева Т.А., Надырова Е.В., Гудков Д.Ю., Ксандинов К.С., осуждённые Гимазетдинов, Мухаметов, Хананнов, Загиев, Шангареев выражают несогласие с приговором ввиду его незаконности, необоснованности и просят его отменить. В обоснование своей позиции приводят доводы, суть которых сводится к следующему.

Осуждённый Гимазетдинов указывает, что назначенное ему наказание не соответствует характеру и степени общественной опасности содеянного им.

Защитник осуждённого Гимазетдинова – адвокат Дмитриев С.А., указывает, что невозможно установить источники осведомлённости свидетелей – оперативных сотрудников ввиду их ссылок на оперативный характер информации, а свидетелей под псевдонимами – ввиду запрета на раскрытие данных об их личности, что делает невозможной проверку этих показаний, в результате чего они подлежат признанию недопустимыми и недостоверными.

Ходатайство следователя о разрешении обыска в жилище Гимазетдинова с учётом подсудности уголовного дела подлежало рассмотрению Казанским гарнизонным военным судом, а не Вахитовским районным судом г. Казани.

Защитник полагает, что соответствующие процессуальные документы для производства обыска были составлены «задним числом».

Свидетель Д [ ] давший в суде показания о том, что участвовал в производстве обыска, в соответствующем протоколе не указан.

Проверка сообщения о преступлении в порядке ст.ст. 144-145 УПК РФ в отношении неустановленных лиц не проводилась.

Заключения специалиста Г [ ], эксперта-религиоведа Х [ ] и эксперта-лингвиста С [ ] являются недопустимыми ввиду некомпетентности каждого из названных лиц. Помимо этого, заключение специалиста составлено ранее стенограммы, на основании которой оно выполнено, и в нём имеются ошибки в фамилиях.

Эксперт Х [ ] не смог подтвердить в суде свою квалификацию.

Свидетель Д [ ] пояснил, что на исследованной в суде видеозаписи со слов свидетелей под псевдонимами зафиксированы Гимазетдинов и хозяин кафе «Голд Суши» по имени М [ ] однако портретная и фоноскопическая экспертизы по делу не производились, равно как не проведено опознание кем-либо Гимазетдинова, в связи с чем данное обстоятельство не может быть проверено.

Поскольку человек по имени М [ ], по чьей инициативе происходила встреча, известен, однако не допрошен в ходе производства по данному делу, защитник делает вывод о том, что он сотрудничает с правоохранительными органами, в связи с чем по делу имеет место провокация.

Необоснованным является вывод суда о том, что подтверждением виновности Гимазетдинова является изъятая у него литература, поскольку у него были обнаружены лишь две книги религиозного содержания и личные записи по изучению ислама.

Оставлены судом без внимания и показания остальных осуждённых о том, что до своего задержания с Гимазетдиновым они знакомы не были.

Назначенное ему наказание не соответствует характеру и степени общественной опасности содеянного им.

Осуждённый Мухаметов утверждает, что по делу не установлен террористический или насильственный характер совершённых им действий.

Судом не учтены его показания в судебном заседании, а также доказательства, на которые он ссылался в ходе прений сторон.

Защитник осуждённого Мухаметова – адвокат Нуриева Т.А., ссылаясь на показания свидетелей М [ ] и С [ ] указывает, что в отношении них было прекращено уголовное преследование, в связи с чем они были вынуждены дать соответствующие показания, чтобы избежать уголовной ответственности.

Показания свидетеля Х [ ] вину Мухаметова в инкриминируемых деяниях не подтверждают.

Предусмотренных законом оснований для сохранения в тайне личных данных свидетелей под псевдонимами «К [ ]» и «А [ ]» не имелось.

Никто из осуждённых не подтвердил то, что её подзащитный являлся организатором ячейки МТО «ХТ» и осуществлял финансирование данной организации, а соответствующие показания Шангареева, как тот пояснил в суде, были даны им из-за обещания следователя об освобождении от уголовной ответственности.

Видеозапись производства обыска в жилище свидетельствует о том, что перед его началом Мухаметову не было предложено добровольно открыть дверь и выдать подлежащие изъятию предметы.

Свидетель Г [ ] принимавший участие в производстве обыска в качестве понятого, показал, что, когда он пришёл, дверь уже вскрывали. Мухаметов, пытаясь открыть дверь, сделать этого не смог ввиду её повреждений, а впоследствии был лишён возможности участвовать в производстве обыска.

Действительно ли указанная в протоколе обыска литература была изъята у Мухаметова, неизвестно.

Видеозапись и стенограммы, полученные в результате оперативно-розыскного мероприятия «наблюдение», не позволяют определить состав участников разговора. Вывод о том, что на видеозаписи запечатлён Мухаметов, был сделан органом следствия на основании показаний засекреченных свидетелей, которым у стороны защиты имеются основания не доверять, а какие-либо иные мероприятия для установления лиц, имеющихся на видеозаписи, не проводились.

О том, что допрошенные по делу свидетели сдавали деньги Мухаметову для поддержания лиц, осуждённых к лишению свободы за участие в МТО «ХТ», им известно либо со слов последнего, либо на основании слухов, в связи с чем бесспорных доказательств осуществления её подзащитным финансирования терроризма в материалах дела не имеется. Сумма, собранная Мухаметовым для финансирования МТО «ХТ», в приговоре не указана.

Данная организация отрицает насилие как способ достижения своих целей, а факты её участия в террористической деятельности не установлены.

Осуждённый Ханнанов в апелляционной жалобе указывает, что является репрессированным по политическим мотивам.

Защитник осуждённого Ханнанова – адвокат Надырова Е.В. утверждает, что вывод суда о виновности её подзащитного основан на показаниях свидетелей, являющихся сотрудниками правоохранительных органов и лицами, освобождёнными от уголовной ответственности за добровольный отказ от участия в МТО «ХТ», в связи с чем нельзя исключить факт его оговора названными свидетелями.

При этом допрошенные свидетели подтвердили лишь участие Ханнанова в собрании организации, однако, какой именно, по делу не установлено.

Данные собрания по месту жительства её подзащитного никогда не проводились, каких-либо бесед, направленных на пропаганду деятельности МТО «ХТ», Ханнанов не проводил, действий по вербовке иных лиц не совершал, идей о направленности политики Российской Федерации на притеснение и дискриминацию мусульман, а также о необходимости создания халифата не высказывал.

Обнаруженная у Ханнанова религиозная литература о его виновности также не свидетельствует.

Предварительное следствие и судебное разбирательство по делу проводились с обвинительным уклоном, поскольку все ходатайства, заявленные стороной обвинения, были удовлетворены, а в удовлетворении ходатайств стороны защиты было отказано по формальным основаниям.

Осуждённый Загиев указывает, что его участие в МТО «ХТ» не доказано, а при назначении ему наказания не в полной мере учтены смягчающие обстоятельства.

О том, что им финансировалась деятельность данной организации, не показал ни один из свидетелей.

Какие-либо экспертизы в связи с имеющейся в деле видеозаписью не производились.

Показания в суде свидетелей С [ ] и М [ ], данные ими в связи с их уголовным преследованием, значительно отличаются от их показаний, данных в ходе предварительного следствия, а доказательства их добровольного отказа от участия в МТО «ХТ» отсутствуют. Кроме того, у обоих названных свидетелей, а также свидетелей Д [ ], П [ ], под псевдонимами «А [ ]» и «К [ ]» имеются основания для его оговора.

Эксперты, проводившие по делу религиозоведческую и лингвистическую судебные экспертизы, не обладают соответствующей компетенцией.

Обыск в его жилище, а также оперативно-розыскные мероприятия, в результате которых были получены имеющиеся в материалах дела записи с помощью технических средств, были проведены в отсутствие надлежащего судебного решения, в связи с чем протокол обыска и соответствующие записи являются недопустимыми доказательствами.

Постановления следователя о назначении судебных экспертиз являются незаконными, поскольку не содержат обязательных данных об экспертах – их фамилий, сведений об образовании и о стаже работы по специальности.

Имеющиеся в деле фонограммы прослушивались специалистом без участия осуждённого Загиева.

В ходе предварительного следствия ему направлялись лишь уведомления о продлении срока следствия, однако с соответствующими постановлениями он ознакомлен не был.

Поскольку в материалах отсутствуют повестки о вызовах свидетелей для допроса, их показания не имеют доказательственного значения и являются недопустимыми доказательствами, а дело подлежит возвращению прокурору.

Судебное разбирательство, в ходе которого он был лишён права на защиту, было проведено с обвинительным уклоном, а в протоколе судебного заседания не отражены существенные сведения о его ходе.

Никто из его близких родственников не был допущен судом к участию в деле в качестве защитника по различным причинам.

Во вручённой ему копии приговора отсутствуют подписи судей Б [ ] и С [ ], что свидетельствует о том, что приговор при его постановлении данными судьями подписан не был.

Его приверженность исламу, равно как и изучение литературы, предполагающей иной строй государства, не свидетельствует о его участии в террористической деятельности. Лица, придерживающиеся иных политических идей, уголовному преследованию в Российской Федерации не подвергаются. Партия «Хизб ут-Тахрир» до настоящего времени не приступила к совершению каких-либо насильственных действий по изменению государственного строя.

По делу необходимо проведение экспертизы на предмет соответствия изъятой у него литературы нормам ислама.

Его действия не представляют общественной опасности и в силу положений ч. 2 ст. 14 УК РФ не являются преступлением.

Хотя при проверке на месте показаний свидетеля М [ ] следователем в качестве технического средства использовался фотоаппарат, это не освобождает его от обязанности указать в протоколе обстоятельства, имеющие значения для дела, которые были установлены в результате данного действия.

Протоколы допросов обвиняемых и свидетелей в ходе предварительного следствия не содержат вопросов, заданных им следователем.

Суд первой инстанции, как считает Загиев, находится в зависимости от сотрудников ФСБ РФ.

Из имеющейся в материалах дела видеозаписи установить что-либо невозможно из-за её плохого качества, в связи с чем таковая является недопустимым доказательством, а в протоколе её осмотра содержатся искажённые сведения.

Загиев, по его утверждению, был обманом завлечён в кафе лицом по имени «М [ ]», который лишь предложил ему выпить чаю и пообщаться с другими верующими. При этом данное лицо, по его мнению, действовало под управлением сотрудников ФСБ РФ.

Факт хранения им литературы МТО «ХТ» необоснованно расценен судом как отсутствие у него намерения на прекращение участия в деятельности террористической организации.

Кроме того, Загиев полагает, что, поскольку его преступная деятельность сводится к встрече, запечатлённой на соответствующей видеозаписи, содеянное им необходимо переqualифицировать на ч. 2 ст. 205⁵ УК РФ в редакции, действовавшей на момент проведения этой встречи.

Показания свидетеля Д [ ] свидетельствуют о том, что Загиев добровольно прекратил своё участие в МТО «ХТ», в связи с чем он подлежит

освобождению от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к названной статье УК РФ.

Защитник осуждённого Загиева – адвокат Гудков Д.Ю. указывает, что приговор является результатом процедуры, не соответствующей критериям судебного разбирательства. Кроме того, защитник, выражая несогласие с определением суда об оглашении вводной и резолютивной частей приговора, полагает, что оно подлежит отмене, поскольку нарушает принцип публичности судебного разбирательства. Ходатайств об оглашении лишь вводной и резолютивной частей приговора от участников уголовного судопроизводства не поступало. Провозглашение приговора было назначено на 17 часов 26 апреля 2019 г., что лишило зрителей возможности присутствовать при этом. Текст приговора не был размещён на официальном сайте суда, а его копия была вручена защитнику в последний день срока обжалования приговора.

Осуждённый Шангареев указывает, что по делу не установлено, кем были изготовлены имеющиеся в материалах дела стенограммы видеозаписей, а также отсутствуют сведения о том, кем была установлена принадлежность запечатлённых на них голосов.

Вывод суда об общественной опасности его действий носит формальный характер. Поскольку действия, связанные с какой-либо формой участия в террористическом акте ему не вменялись, его вина в участии в террористической деятельности не доказана.

К показаниям свидетелей под псевдонимами «А [ ]» и «К [ ]» необходимо относиться критически, поскольку в отношении них были возбуждены уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 205⁵ УК РФ, и соответствующие показания ими были даны с целью избежать уголовной ответственности. Подмена же данными показаниями заключения эксперта является недопустимой.

Фото- или видеофиксации нахождения его по адресам, указанным в приговоре, а также биллинга его сотового телефона в материалах дела не имеется.

Запечатлённые на видеозаписях лица не называют друг друга по имени или фамилии, и не обращаются друг к другу по занимаемому в иерархии МТО «ХТ» положению.

Судом было отказано в удовлетворении его ходатайства о проведении по делу фоноскопической экспертизы, в связи с чем не доказано его участие во встречах 27 апреля 2016 года.

Кроме того, осуждённые Гимазетдинов, Шангареев, Загиев, оспаривая ссылку в приговоре на решение Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116 о признании террористической организацией «Партии исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами») и запрете её деятельности на территории Российской Федерации, указывают, что оно не отвечает всем требованиям для признания их действий преступными и позволяет осудить любого участника названной организации вне зависимости от его

действий, данных о личности, и обстоятельств участия в ней и конкретных действий такого лица.

Осуждённый Шангареев, приводя свой анализ данного судебного решения, делает вывод о том, что оно противоречит как нормам международного права, так и Конституции Российской Федерации, федеральному законодательству, а программные тексты организации МТО «ХТ» отрицают применение насилия.

Осуждённый Загиев, дополняя общую позицию стороны защиты по данному вопросу, полагает, что, поскольку Федеральный закон от 25 июля 1998 года № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» в настоящее время утратил силу, названное решение Верховного Суда РФ не является источником права, а он осуждён за действия, которые на момент их совершения не являлись преступными.

Осуждённые Шангареев и Загиев также утверждают, что в результате бесчеловечного обращения в ходе судебного разбирательства у них ухудшилось здоровье, и, кроме того, этим было нарушено их право на защиту, а последний, кроме того, - что он был лишён права на конфиденциальное общение с защитником.

Защитник осуждённого Шангареева – адвокат Ксандинов К.С. утверждает, что его подзащитный родился в малообеспеченной семье, недостаточно владеет русским языком, в связи с чем им заявлялись ходатайства о предоставлении дополнительного времени для ознакомления с материалами уголовного дела, однако в их удовлетворении было отказано, чем нарушено его право на защиту.

Выводы суда о виновности Шангареева основаны на показаниях свидетелей, которые являются сотрудниками правоохранительных органов, а также лиц, освобождённых от уголовной ответственности в связи с добровольным прекращением участия в деятельности МТО «ХТ», ввиду чего у названных лиц имеются основания для его оговора.

Свою вину в инкриминируемом деянии Шангареев отрицает, а допрошенные свидетели подтвердили лишь его участие в качестве ученика в организации, однако какой именно, не установлено. При этом соответствующие собрания никогда не проводились по месту жительства Шангареева, а каких-либо бесед в целях пропаганды деятельности МТО «ХТ» он не проводил.

Предварительное следствие и судебное разбирательство по делу велись с обвинительным уклоном, а судом удовлетворялись все ходатайства стороны обвинения и отказывалось в удовлетворении ходатайств стороны защиты судом было отказано по формальным основаниям.

На жалобы поданы возражения государственным обвинителем Сергеевой М.М., которая просит их отклонить, а также осуждёнными: на дополнения к апелляционной жалобе Загиева – Мухаметовым и Шангареевым, а на дополнения к апелляционной жалобе Шангареева – Мухаметовым, в которых каких-либо просьб не приводится.

Проверив материалы дела, обсудив апелляционное представление и апелляционные жалобы, выслушав стороны, Судебная коллегия приходит к следующим выводам.

Судебное разбирательство проведено объективно и всесторонне, с соблюдением требований уголовно-процессуального закона и выяснением всех юридически значимых для правильного разрешения уголовного дела обстоятельств.

Предусмотренные ст. 73 УПК РФ обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу, установлены.

В приговоре согласно требованиям ст. 307 УПК РФ приведены доказательства, подтверждающие виновность в содеянном, которым судом дана мотивированная оценка в соответствии со ст. 87 и 88 УПК РФ, а также указано, какие из них суд положил в его основу, и указаны убедительные аргументы принятого решения.

Выводы суда первой инстанции о виновности Гимазетдинова, Мухаметова, Ханнанова, Загиева и Шангареева в совершении инкриминированных им преступлений подтверждаются следующими доказательствами:

- оглашёнными в судебном заседании согласующимися между собой и с другими доказательствами показаниями Загиева и Шангареева, данными ими в ходе предварительного следствия, об обстоятельствах руководства Мухаметовым одним из подразделений МТО «ХТ», и об участии Загиева и Шангареева в значительном числе тайных собраниях данного подразделения с указанием деталей, которые могли быть известны лишь участникам МТО «ХТ»;

- показаниями в суде свидетеля М [ ] согласно которым тот, придя в апреле 2016 года в одно из кафе г. Альметьевска, встретился с рядом лиц, в том числе с Гимазетдиновым, занимавшим высокое положение в иерархии МТО «ХТ» и руководившим данным собранием, и Мухаметовым, который затем стал беседовать с ним об исламском государстве; в последующем он в период с апреля по октябрь 2016 года в группе, в состав которой помимо иных лиц входили Шангареев и Загиев, а затем с октября по ноябрь 2016 года – Ханнанов, посещал тайные собрания МТО «ХТ» под руководством Мухаметова, проходившие в различных местах в г. Альметьевске;

- протоколами проверки показаний свидетеля М [ ] на месте, согласно которым он указал места, где он в период с апреля по ноябрь 2016 года вместе с другими членами МТО «ХТ» участвовал на собраниях, организованных Мухаметовым;

- взаимосвязанными показаниями Загиева, Шангареева, и М [ ] о том, что в ходе собраний Мухаметов требовал от подчинённых лиц соблюдения ряда мер конспирации и передавал им для изучения книги, представляющие собой идеологические источники МТО «ХТ», впоследствии обнаруженные у последнего в ходе обыска по месту его жительства; об обстоятельствах сбора Мухаметовым с членов руководимого им подразделения денежных средств для семей участников названной организации;

- показаниями в суде свидетеля С [ ] подтвердившего, что в период с апреля 2016 года по апрель 2017 года он участвовал в деятельности МТО «ХТ» в группе под руководством Мухаметова, в состав которой входили Загиев и Шангареев, впоследствии с октября 2016 года – Ханнанов; о мерах

конспирации данной группы, обстоятельствах проведения её собраний, в том числе об изучении литературы МТО «ХТ», требованиях Мухаметова вовлекать иных лиц к участию в деятельности организации и отчитываться ему об этом;

- аналогичными показаниями допрошенных в судебном заседании в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 278 УПК РФ, свидетелей под псевдонимами «А [ ]», и «К [ ]», первый из которых, кроме того, показал об адресах мечетей, в которых члены группы Мухаметова осуществляли вербовку новых участников МТО «ХТ»; также данные свидетели показали, что в ходе предварительного следствия они, просмотрев видеозапись от 1 апреля 2016 г., в людях, ведущих беседу, опознали Гимазетдинова и иное лицо по имени «М [ ]», а в видеозаписи от 27 апреля 2016 г. в человеке, ведущем собрание, опознали Мухаметова, а в участниках собрания – Загиева и Шангареева; также, свидетель «А [ ]» опознал М [ ] и Салахетдинова;

- исследованными в суде видеозаписями, выводы по результатам изучения которых надлежащим образом мотивированы и сомнений в своей правильности не вызывают;

- выполненными на основании исследования данных видеозаписей заключениями экспертов – лингвистов и эксперта – религиоведа, из которых следует, что в содержании разговора, зафиксированного на видеозаписи от 27 апреля 2016 г. и стенограмме к ней, имеются высказывания Мухаметова, направленные на установление в сообществе дисциплины; Мухаметов проявляет черты лидера, а в его высказываниях содержится прямое утверждение о том, что он является руководителем семинара; в содержании разговора, зафиксированного на видеозаписи от 1 апреля 2016 года и стенограмме к ней, имеются побудительные предложения, высказываемые Гимазетдиновым, обсуждающим темы безопасности, конспирации, преследования спецслужб, своей принадлежности к высокой ступени в иерархии МТО «ХТ»; на видеозаписи от 1 апреля 2016 г. в разговоре Гимазетдинова и иного лица содержатся специфические термины, используемые членами МТО «ХТ», а в видеозаписи от 27 апреля 2016 г. с участием Мухаметова, М [ ] Салахетдинова, Шангареева, Загиева и иного лица упоминается один из идеологических источников МТО «ХТ»;

- выводами эксперта – религиоведа о том, что литература, изъятая в ходе обысков в жилищах Гимазетдинова, Мухаметова, Ханнанова, Шангареева и Загиева, а также при осмотре автомобиля последнего, является идеологическими источниками МТО «ХТ»;

- иными доказательствами.

Все доказательства, приведённые в приговоре, являются относимыми, допустимыми, а в совокупности достаточными для вывода о виновности Гимазетдинова, Мухаметова, Ханнанова, Шангареева и Загиева в совершении инкриминированных им преступлений, а доводы защитников-адвокатов и осуждённых об их невиновности Судебная коллегия признаёт несостоятельными.

Организация «Исламская партия освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами») признана террористической, а её деятельность на территории Российской Федерации запрещена решением Верховного суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 года № ГКПИ 03-116.

С учётом изложенных обстоятельств, содеянное осуждёнными судом квалифицировано правильно, оснований для иной уголовно-правовой оценки не имеется, а вывод о необходимости исключения из обвинения Гимазетдинова указания о создании им условий для развития и функционирования трёх из пяти законспирированных подразделений МТО «ХТ» надлежащим образом мотивирован и сомнений в своей правильности не вызывает.

Вопреки мнению защитника-адвоката Дмитриева С.А., оснований усомниться в достоверности показаний свидетелей М [REDACTED] Х [REDACTED], С [REDACTED], Д [REDACTED] П [REDACTED], а также свидетелей под псевдонимами «А [REDACTED]» и «К [REDACTED]», Судебная коллегия из материалов дела не усматривает.

Все свидетели дали исчерпывающие пояснения об источниках своей осведомлённости об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по настоящему делу, которыми являются, в том числе, результаты оперативно-розыскной деятельности. Стороны не были ограничены в возможностях допроса данных свидетелей. Их показания получили оценку в приговоре в соответствии с положениями ст. 88 УПК РФ и правомерно признаны достоверными ввиду согласованности с иными доказательствами по делу.

Допрос свидетелей под псевдонимами «А [REDACTED]» и «К [REDACTED]» с учётом фактических обстоятельств дела обоснованно проводился в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 278 УПК РФ, при наличии соответствующих оснований, проверенных судом в порядке, установленном процессуальным законом. Данные свидетели подробно рассказали об источниках своей осведомлённости об обстоятельствах, относящихся к предмету доказывания. Сторона защиты не была ограничена в праве и возможностях задавать вопросы данным свидетелям, что и было реализовано осуждёнными и защитниками в ходе судебного разбирательства. Раскрытие личных данных для проверки достоверности показаний данных свидетелей не требуется. Само по себе несогласие стороны защиты с данными показаниями не свидетельствует об их недостоверности и не является основанием для отмены или изменения приговора.

Мнение защитника о том, что ходатайство следователя о производстве обыска в жилище Гимазетдинова должно было рассматриваться Казанским гарнизонным военным судом, является несостоятельным, поскольку на момент обращения в суд с данным ходатайством органу предварительного следствия не могла быть известна итоговая квалификация содеянного последним. В свою очередь, достаточных данных для вывода о том, что какие-либо процессуальные документы были составлены «задним числом», материалы дела не содержат.

Показания свидетеля Д [REDACTED] в суде о том, что он принимал участие в обыске в жилище Гимазетдинова, не могут служить основанием для признания

недопустимым доказательством протокола данного следственного действия, поскольку в нём в соответствии со ст. 166, 182 УПК РФ указаны все лица, участвовавшие в его проведении. Что касается лиц, обеспечивавших исполнение следователем и иными лицами, участвовавшими в обыске, своих функций, в частности, оперативных работников, то данные о них не подлежат включению в протокол, поскольку они самостоятельных процессуальных действий не совершали.

Довод адвоката Дмитриева С.А. о том, что в материалах данного дела не содержится сведений о проверке сообщения о преступлении в порядке ст. 144-145 УПК РФ, является несостоятельным, поскольку проведение такой проверки в отношении иных лиц не относится к обстоятельствам настоящего уголовного дела.

Вопреки доводам защитника об обратном, не усматривается из материалов дела и сведений о ненадлежащей квалификации специалиста и экспертов, а его доводы относительно незначительных недочётов при составлении процессуальных документов в ходе предварительного следствия, в том числе и названных заключений, основаниями для признания данных доказательств недопустимыми признаны быть не могут.

Объективные основания для проведения по делу портретной и фоноскопической судебных экспертиз, а также для проведения опознания Гимазетдинова как у органа предварительного следствия, так и у суда первой инстанции отсутствовали ввиду наличия иных доказательств, подтверждающих обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу в соответствии со ст. 73 УПК РФ.

Не подтверждается материалами дела и довод защитника о провокации.

Вывод суда о том, что обнаруженная в ходе обыска в жилище Гимазетдинова литература является идеологическими источниками МТО «ХТ», основан на приведённом выше заключении эксперта.

Довод защитника о том, что до своего задержания остальные осуждённые с Гимазетдиновым знакомы не были, с учётом конкретных обстоятельств вменённого ему в вину деяния, в том числе, его положения в данной организации, является беспредметным.

Ошибочным является мнение осуждённого Мухаметова о том, что по делу не установлен террористический или насильственный характер совершённых им действий, поскольку установления данных фактов, исходя из рамок предъявленного ему обвинения, не требовалось. При этом, как следует из приговора и протокола судебного заседания, позиции Мухаметова, высказанной в том числе в ходе судебных прений, дана надлежащая оценка.

Вопреки утверждению Мухаметова, показания свидетеля Х [ ] как в ходе предварительного следствия, так и в суде были даны им по иным обстоятельствам дела.

Мнение же осуждённого о том, что предусмотренных законом оснований для сохранения в тайне личных данных свидетелей под псевдонимами «К [ ]» и «А [ ]» является несостоятельным, поскольку

допрос данных свидетелей в порядке, предусмотренном ч. 9 ст. 166 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ, при условии необходимости обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, родственников и близких лиц, является правом суда. При этом, с учётом показаний данных свидетелей о необходимости обеспечения их безопасности в совокупности с конкретными обстоятельствами дела такой порядок допроса свидетелей является обоснованным и согласуется с правовыми позициями Конституционного Суда РФ, изложенными в определениях от 21 апреля 2005 года № 240-О и от 17 июля 2007 года № 622-О-О.

Довод защитника – адвоката Нуриевой Т.А. о заинтересованности свидетелей М [ ] и С [ ] в исходе дела ввиду прекращения их уголовного преследования, является несостоятельным, поскольку данное обстоятельство, с учётом положений ст. 56 УПК РФ, не лишает суд права допросить названных лиц в качестве свидетелей. Их показания оценены судом по правилам, установленным ст. 88 УПК РФ, и правомерно признаны достоверными ввиду согласованности между собой и с другими доказательствами по делу.

Показания осуждённого Шангареева на предварительном следствии, оглашённые в суде, правомерно признаны достоверными, так как согласуются с иными доказательствами по делу. Его довод о том, что эти показания он дал из-за обещания освобождения от уголовной ответственности, является несостоятельным, так как показания, признанные судом достоверными, даны им в присутствии защитника в обстановке, исключающей возможность оказания на него давления, и в них содержатся сведения, которые могли быть известны лишь исполнителю преступления. Кроме того, Судебная коллегия учитывает, что на протяжении всего предварительного следствия, а также после ознакомления с делом в порядке ст. 217 УПК РФ Шангареев не заявлял о недостоверности своих показаний, хотя не был ограничен в возможностях сделать это.

Протокол обыска в жилище Мухаметова обоснованно признан судом допустимым доказательством, поскольку он соответствует требованиям ст. 182 УПК РФ. Действия Мухаметова перед началом обыска и в ходе его проведения объективно свидетельствуют о его нежелании добровольно выдать предметы, имеющее значение для уголовного дела.

При этом не свидетельствуют о каких-либо нарушениях в ходе производства данного обыска и показания понятого Г [ ] который при исследовании в суде протокола этого следственного действия полностью подтвердил его содержание. Применение же к Мухаметову сотрудниками правоохранительных органов специальных средств было обусловлено объективной необходимостью.

О том, что указанная в названном протоколе литература была изъята именно у Мухаметова, показали в судебном заседании свидетели Г [ ] и И [ ], также участвовавший в производстве обыска в качестве понятого.

Основания не доверять показаниям указанных свидетелей о данных, зафиксированных на видеозаписях, у суда отсутствовали, а анализ в приговоре содержания таковых надлежащим образом обоснован и сомнений в своей

правильности не вызывает. С учётом приведённых выше доказательств, относящихся к финансированию Мухаметовым терроризма, отсутствуют основания для признания обоснованным и довода защитника о том, что бесспорных доказательств осуществления её подзащитным финансирования терроризма в материалах дела не имеется.

Отсутствие в приговоре указания на конкретную сумму денег, собранных Мухаметовым для финансирования МТО «ХТ», не свидетельствует о недоказанности совершения им инкриминированного преступления.

Кроме того, согласно приведённому выше решению Верховного Суда Российской Федерации, «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами») – организация, которая имеет целью устранение неисламских правительств и установление исламского правления во всемирном масштабе путем воссоздания «Всемирного исламского Халифата», первоначально в регионах с преимущественно мусульманским населением, включая Россию и страны СНГ. Основные формы деятельности: воинствующая исламистская пропаганда, сочетаемая с нетерпимостью к другим религиям; активная вербовка сторонников, целенаправленная работа по внесению раскола в общество (прежде всего пропагандистская с мощным финансовым подкреплением).

Ввиду изложенного надуманными являются соответствующие доводы апелляционных жалоб о привлечении их к уголовной ответственности по политическим мотивам.

Вопреки мнениям защитника-адвоката Надыровой Е.В. и осуждённого Ханнанова, факт участия последнего именно в МТО «ХТ» подтверждается приведёнными выше доказательствами. При этом, как следует из материалов дела, оснований для вывода об обвинительном уклоне ни в ходе предварительного следствия, ни в ходе судебного разбирательства не имеется. То обстоятельство, что ряд свидетелей по делу являются сотрудниками правоохранительных органов и лицами, освобождёнными от уголовной ответственности, об оговоре ими осуждённых не свидетельствует.

Довод защитника о том, что собрания членов МТО «ХТ» по месту жительства Ханнанова не проводились, сам он не вербовал иных лиц, не высказывал идей о направленности политики Российской Федерации на притеснение и дискриминацию мусульман, а также о необходимости создания халифата, является беспредметным, поскольку такие действия, как усматривается из обвинительного заключения, ему в вину не вменялись.

Согласно протоколу обыска в жилище Ханнанова и заключению эксперта-религиоведа, обнаруженная у названного осуждённого литература является идеологическими источниками МТО «ХТ».

Доводы осуждённого Загиева о том, что его участие в МТО «ХТ» и финансирование им терроризма не доказаны, опровергается приведёнными выше доказательствами, а утверждение о том, что показания в суде свидетелей С [ ] и М [ ], данные ими в связи с их уголовным преследованием, значительно отличаются от их показаний, данных в ходе предварительного следствия, является несостоятельным. Существенных

противоречий, как следует из материалов дела, не имеется, а отдельные неточности, не искажающие сути показаний, устранены в ходе судебного разбирательства.

Оснований же для оговора Загиева названными свидетелями, а также свидетелями Д [REDACTED], П [REDACTED] «К [REDACTED] [REDACTED]» и «А [REDACTED] [REDACTED]» из материалов дела не усматривается.

С учётом проанализированных в приговоре показаний названных свидетелей объективная необходимость проведения какой-либо экспертизы, предметом которой являлось бы исследование имеющейся в деле видеозаписи, отсутствовала.

Доводы стороны защиты о некомпетентности экспертов, проводивших по делу соответствующие экспертизы, проверены судом первой инстанции и обоснованно отвергнуты в приговоре с приведением соответствующих убедительных мотивов.

Утверждение Загиева о том, что обыск в его жилище, а также оперативно-розыскные мероприятия, в результате которых были получены имеющиеся в материалах дела записи с помощью технических средств, были проведены в отсутствие надлежащего судебного решения, в связи с чем протокол обыска и соответствующие записи являются недопустимыми доказательствами, несостоятельно, поскольку производство обыска в его жилище было разрешено постановлением судьи Вахитовского районного суда г. Казани от 12 октября 2017 г. (т. 6, л.д. 151). При этом, согласно соответствующим протоколам и постановлениям, предметы, изъятые в ходе данного обыска, а также осмотра автомобиля Загиева, впоследствии были установленным порядком осмотрены следователем и приобщены к материалам дела в качестве вещественных доказательств. В свою очередь, для проведения оперативно-розыскных мероприятий «наблюдение», в ходе которых были получены имеющиеся в материалах дела записи с помощью технических средств, судебного решения не требовалось.

Не могут быть признаны незаконными и постановления следователя о назначении судебных экспертиз лишь на том основании, что в них не содержится фамилий, сведений об образовании экспертов и о стаже их работы по специальности, поскольку в соответствии с п. 2 ч. 1 ст.195 УПК РФ при назначении экспертизы в постановлении может быть указано лишь наименование экспертного учреждения.

Обязанности специалиста прослушивать фонограммы в присутствии участников уголовного судопроизводства, равно как и обязанности следователя знакомить подозреваемого в совершении преступления с постановлением о продлении срока предварительного следствия уголовно-процессуальное законодательство не содержит.

Отсутствие в материалах дела повесток о вызове свидетелей на допросы не свидетельствует о незаконности производства данных следственных действий.

Как усматривается из соответствующего постановления, замечания Загиева на протокол судебного заседания были рассмотрены

председательствующим по делу и по ним было принято соответствующее процессуальное решение в порядке ст. 260 УПК РФ.

Постановления суда об отказе в допуске к участию в деле родственников Загиева надлежащим образом мотивированы и сомнений в своей правильности не вызывают.

Несостоятельным является также довод Загиева о том, что во вручённой ему копии приговора отсутствуют подписи судей Б [ ] и С [ ] поскольку, согласно п. 3.3.4 приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 9 октября 2014 года № 219 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в военных судах», выдаваемые судом копии судебных актов должны быть заверены подписями судьи, председательствующего по делу, а в случае его отсутствия – председателя суда (заместителя председателя суда) или иного уполномоченного им лица, секретаря суда либо иного уполномоченного работника аппарата суда, а также гербовой печатью суда.

Доводы Загиева о том, что его приверженность исламу, равно как и изучение литературы, предполагающей иной государственный строй, не свидетельствует о его участии в террористической деятельности, опровергаются приведёнными выше доказательствами по делу, подтверждающими его участие в деятельности организации, признанной террористической в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Совершение каких-либо насильственных действий в составе МТО «ХТ» ему в вину не вменялось.

Проведение экспертизы для установления соответствия изъятой у Загиева литературы исламу не требовалось, поскольку происхождение её от МТО «ХТ» сомнений не вызывает, и, кроме того, её хранение Загиевым является лишь одним из доказательств участия в данной террористической организации.

Общественная опасность содеянного Загиевым надлежащим образом мотивирована в приговоре, в силу чего положения ч. 2 ст. 14 УК РФ в отношении него применению не подлежат.

Использование следователем в ходе проверки на месте показаний свидетеля М [ ] в качестве технического средства фиксации следственного действия фотоаппарата соответствует требованиям ч. 1¹ ст. 170 УПК РФ. Протокол данного следственного действия соответствует требованиям уголовно-процессуального закона.

Довод Загиева о том, что протоколы допросов обвиняемых и свидетелей в ходе предварительного следствия не содержат вопросов, заданных им следователем, является несостоятельным, поскольку положения ч. 2 ст. 189 УПК РФ наделяют следователя свободой при выборе тактики допроса, за исключением наводящих вопросов. Вместе с тем, каких-либо сведений о несогласии допрошенных в ходе предварительного следствия лиц с содержанием протоколов их допросов материалы дела не содержат.

Сведений о зависимости суда первой инстанции, вопреки утверждению осуждённого Загиева, не имеется, его предположения об обратном не подтверждаются объективными данными.

Качество имеющейся в материалах дела видеозаписи, с учётом конкретных показаний свидетелей, которым она была предъявлена, является достаточным для признания её допустимым доказательством в совокупности с иными данными, подтверждающими совершение осуждёнными инкриминированных им преступлений. Данных о том, что в протоколе осмотра видеозаписи содержатся искажённые сведения, не имеется, и утверждение Загиева об обратном не соответствует действительности.

Довод Загиева о том, что он был обманом завлечён в кафе лицом по имени «М[ ]», опровергается приведёнными выше доказательствами.

Хранение Загиевым литературы МТО «ХТ» оценено судом в совокупности с иными доказательствами, и правомерно расценено судом как подтверждающее отсутствие у него намерения прекратить участие в деятельности данной организации.

Утверждение Загиева о том, его преступная деятельность сводится к встрече, запечатлённой на соответствующей видеозаписи, является несостоятельным и противоречит иным доказательствам, в том числе его же показаниям в ходе судебного заседания о периоде его участия в названной организации – с апреля 2016 года по июль 2017 года, а также о том, что он участвовал не менее чем в 60 собраниях сторонников МТО «ХТ», в связи с чем при квалификации его действий судом правомерно применена норма уголовного закона, действующая на момент пресечения его преступной деятельности.

Показания свидетеля Д[ ] вопреки доводу Загиева, не свидетельствуют о том, что последний добровольно прекратил своё участие в МТО «ХТ». Напротив, данный свидетель в суде показал, что Загиев участвовал в данной организации до дня своего задержания – 17 октября 2017 г.

Таким образом, положения примечания к ст. 205⁵ УК РФ к Загиеву применены быть не могут, в связи с чем освобождению от уголовной ответственности он не подлежит.

Доводы защитника – адвоката Гудкова Д.Ю. о несогласии с определением суда об оглашении вводной и резолютивной частей приговора не основаны на законе. В соответствии с ч. 7 ст. 241 УПК РФ в случае рассмотрения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных, в том числе, ст. 205-206 УК РФ, на основании определения или постановления суда могут оглашаться только вводная и резолютивная части приговора. При этом ходатайства кого-либо из участников уголовного судопроизводства для вынесения такого определения не требуется.

Назначение судом очередного судебного заседания на 17 часов 26 апреля 2019 г. прав и законных интересов уголовного судопроизводства не нарушало.

Несостоятельным является и довод защитника о том, что копия приговора была вручена ему в последний день срока его обжалования, поскольку, согласно ч. 1 ст. 389⁵ УПК РФ, в случае пропуска срока апелляционного обжалования по уважительной причине лица, имеющие право подать апелляционные жалобу, могут ходатайствовать перед судом, постановившим приговор, о восстановлении пропущенного срока.

Текст приговора обоснованно не был опубликован в сети «Интернет», поскольку положениями ст. 15 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» регламентирован прямой запрет на публикацию текстов судебных актов вынесенных по уголовным делам, затрагивающим безопасность государства.

С учётом приведённых выше показаний свидетелей отсутствуют основания для признания влекущими отмену или изменение приговора доводов осуждённого Шангареева о том, что по делу не установлено, кем были изготовлены имеющиеся в материалах дела стенограммы видеозаписей, а также об отсутствии сведений о том, кем была установлена принадлежность запечатлённых на них голосов, об отсутствии в материалах дела фото- или видеофиксации нахождения его по адресам, указанным в приговоре, а также биллинга его сотового телефона.

По тем же причинам следует признать достаточными в совокупности и взаимосвязи доказательства виновности каждого из осуждённых в совершении инкриминированных им преступлений при отсутствии в деле фоноскопической судебной экспертизы.

Утверждение же осуждённого Шангареева о том, что его участие в террористической организации не доказано, поскольку причастность к какому-либо террористическому акту ему не вменялась, опровергается приведёнными выше доказательствами.

По приведённым основаниям объективные причины усомниться в достоверности показаний свидетелей под псевдонимами «А [ ]» и «К [ ]» отсутствуют.

То обстоятельство, что запечатлённые не видеозаписи лица не называют друг друга по имени и не обращаются друг другу по положению, занимаемому в МТО «ХТ», о невиновности Шангареева не свидетельствует.

Вопреки доводам осуждённых Гимазетдинова и Шангареева, Судебная коллегия не наделена правом проверки законности и обоснованности решения Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116, в связи с чем их доводы, сводящиеся к анализу этого судебного решения и о несогласии с ним, являются беспредметными.

Мнение осуждённого Загиева о том, что, поскольку Федеральный закон от 25 июля 1998 года № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» в настоящее время утратил силу, названное решение Верховного Суда РФ не является источником права, а он осуждён за действия, которые на момент их совершения не являлись преступными, является ошибочным.

Согласно п. 2 ст. 24 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» организация признается террористической и подлежит ликвидации (ее деятельность – запрещению) по решению суда на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему прокурора в случае, если от имени или в интересах организации осуществляются организация, подготовка и совершение

преступлений, предусмотренных статьями 205-206, 208, 211, 220, 221, 277-280, 282.1-282.3, 360 и 361 УК РФ. Решение суда о ликвидации организации (запрете ее деятельности) распространяется на региональные и другие структурные подразделения организации.

Ни один из приведённых в апелляционных жалобах доводов осуждённых Шангареева и Загиева о бесчеловечном обращении с ними в ходе судебного разбирательства, а последнего, кроме того, – о лишении его права на конфиденциальное общение с защитником, и, как следствие, о нарушении их права на защиту, не подтверждается материалами дела.

Напротив, как следует из протокола судебного заседания, осуждённые в полной мере реализовали своё право на участие в судебном разбирательстве, активно исследовали доказательства и выдвигали различные версии в свою защиту.

Не соответствует действительности довод защитника – адвоката Ксандинова К.С. о нарушении права Шангареева на защиту в связи с недостаточным владением им русским языком и, как следствие, недостаточным временем для ознакомления с материалами дела. Так, согласно протоколу ознакомления обвиняемого Шангареева и его защитника с материалами уголовного дела, данные лица были ознакомлены с делом в полном объёме и каких-либо замечаний при этом не высказали. Более того, Шангареев не указал о недостаточном ознакомлении с материалами дела и в поданных ходатайствах в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 217 УПК РФ.

По приведённым выше основаниям не установлено наличие у свидетелей по делу оснований для оговора Шангареева, участие которого, вопреки доводу защитника, именно в МТО «ХТ» подтверждается приведёнными доказательствами.

Доводы защитника о том, что собрания никогда не проводились по месту жительства Шангареева, а каких-либо бесед в целях пропаганды деятельности МТО «ХТ» он не проводил, с учётом содержания приведённых доказательств не свидетельствуют об отсутствии в его действиях состава преступления. По делу достоверно установлено, что Шангареев участвовал в деятельности МТО «ХТ», иным образом.

Данных о том, что предварительное следствие и судебное разбирательство велись с обвинительным уклоном, вопреки соответствующим доводам апелляционных жалоб, в материалах дела не содержится. Напротив, как следует из протокола судебного заседания, стороне защиты были предоставлены возможности для реализации процессуальных прав на основе принципа состязательности, чем осуждённые и их защитники воспользовались в полной мере.

Оснований для вывода об оговоре кого-либо из осуждённых свидетелями, в том числе допрошенными в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 278 УПК РФ, из материалов дела не усматривается.

Суд первой инстанции исследовал все представленные сторонами доказательства и разрешил по существу все заявленные сторонами ходатайства в

порядке, установленном ст. 256, 271 УПК РФ, путём их обсуждения участниками судебного заседания и вынесения судом соответствующих решений. Данных о необоснованном отклонении ходатайств, заявленных обеими сторонами, не установлено.

При назначении наказания Гимазетдинову, Мухаметову, Ханнанову, Загиеву и Шангарееву суд обоснованно учёл характер и высокую степень общественной опасности совершённых ими преступлений против общественной безопасности.

В качестве обстоятельств, смягчающих наказание, предусмотренных п. «г» и «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, суд принял во внимание наличие у Мухаметова, Ханнанова и Загиева малолетних детей, а также активное содействие Загиева и Шангареева раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других его соучастников.

Не остались без внимания суда положительные характеристики подсудимых по месту жительства, привлечение к уголовной ответственности впервые Гимазетдинова, Мухаметова, Ханнанова и Загиева, а также состояние здоровья Гимазетдинова и Ханнанова. Данные обстоятельства были обоснованно отнесены к иным смягчающим обстоятельствам, предусмотренным ч. 2 ст. 61 УК РФ.

Именно данные обстоятельства позволили суду не назначать осуждённым дополнительное наказание в виде штрафа, предусмотренное санкциями ч.ч. 1 и 2 ст. 205⁵, а также ч. 1 ст. 205¹ УК РФ.

Принимая во внимание характер и степень общественной опасности совершенных Гимазетдиновым, Мухаметовым, Ханнановым, Загиевым и Шангареевым преступлений, фактические обстоятельства дела, Судебная коллегия соглашается с выводами суда первой инстанции об отсутствии оснований для применения в отношении осуждённых положений ч. 6 ст. 15 УК РФ об изменении категорий преступлений на менее тяжкие.

Вместе с тем приговор подлежит изменению по следующим основаниям.

В соответствии с положениями ст. 6 УК РФ, наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Данные требования закона в отношении осуждённого Гимазетдинова судом выполнены не в полной мере.

Как усматривается из копии паспорта Гимазетдинова (т. 1, л.д. 156), у него на иждивении имеются двое детей – К [ ] 2004 года рождения, и С [ ], 2009 года рождения. Эти же сведения указаны во вводной части приговора.

Таким образом, Судебная коллегия приходит к выводу о том, что наличие у Гимазетдинова на иждивении детей с учётом их возраста в соответствии с п. «г» ч. 1 и ч. 2 ст. 61 УК РФ подлежит признанию обстоятельствами, смягчающими наказание, а назначенное ему наказание – смягчению.

Что касается довода апелляционного представления о необходимости дополнить резолютивную часть приговора указанием на то, что ограничения на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования и на посещение определённых мест, расположенных в пределах соответствующего муниципального образования, действуют в пределах того муниципального образования, где осуждённые Гимазетдинов и Мухаметов будут проживать после отбывания лишения свободы, то он подлежит отклонению по следующим основаниям.

В ч. 1 ст. 53 УК РФ указано, что ограничение свободы заключается в установлении судом осужденному следующих ограничений: не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток, не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования, не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования, не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях, не изменять место жительства или пребывания, место работы и (или) учебы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. При этом суд возлагает на осужденного обязанность являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, от одного до четырех раз в месяц для регистрации. Установление судом осужденному ограничений на изменение места жительства или пребывания без согласия указанного специализированного государственного органа, а также на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования является обязательным.

Данные требования закона при назначении дополнительного наказания в виде ограничения свободы судом выполнены.

В приговоре определено, что в течение установленного срока ограничения свободы Гимазетдинов и Мухаметов обязаны не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в период с 22 часов до 6 часов, не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования, не посещать места проведения массовых мероприятий и участвовать в них (собрания, митинги, уличные шествия, демонстрации), культурно-зрелищные мероприятия (фестивали, профессиональные праздники), не изменять место жительства или пребывания без согласия уголовно-исполнительной инспекции по месту жительства, осуществляющей надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, и являться в эту инспекцию два раза в месяц для регистрации.

По смыслу данной формулировки суд, установив названные ограничения, указал, что они действуют в пределах того муниципального образования, где осуждённые Гимазетдинов и Мухаметов будут проживать после освобождения из мест лишения свободы.

При таких обстоятельствах назначение Гимазетдинову и Мухаметову ограничения свободы с установлением ограничений и возложением обязанностей, указанных в приговоре, не противоречит закону и разъяснениям, данным в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», и не порождает каких-либо сомнений и неясностей, препятствующих исполнению приговора.

Таким образом, внесения изменений в резолютивную часть приговора в части определения им дополнительного наказания в виде ограничения свободы не требуется.

Ввиду изложенного и руководствуясь и ст. 389¹³, 389²⁰, 389²⁶, 389²⁸, 389³³ УПК РФ, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации

определила:

приговор Приволжского окружного военного суда от 26 апреля 2019 г. изменить.

Признать обстоятельствами, смягчающими наказание Гимазетдинову А.А., наличие у него на иждивении детей 2004 и 2009 годов рождения.

Смягчить Гимазетдинову А.А. наказание, назначенное за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205⁵ УК РФ (в редакции Федерального закона от 5 мая 2014 года № 130-ФЗ), до 17 лет 9 месяцев лишения свободы с ограничением свободы на срок 1 год, с установлением ограничений и возложением обязанностей, указанных в приговоре.

В остальном приговор в отношении Гимазетдинова А.А., Мухаметова И.Н., Ханнанова Р.Р., Загиева А.И. и Шангареева Э.Ф. оставить без изменения, а апелляционное представление государственного обвинителя Сергеевой М.М. и апелляционные жалобы осуждённых и их защитников – адвокатов Дмитриева С.А., Нуриевой Т.А., Надыровой Е.В., Гудкова Д.Ю., Ксандинова К.С. без удовлетворения.

Председательствующий

А.В.Воронов

Судьи

А.Н.Замашнюк

С.Г.Сокерин